

Понедельник, 29 апреля

52 часа 14 минут до начала катастрофы

«У всего есть начало... Даже у конца».

Шэрон Хилл

Деррик Харт

Бирмингем, Эл

Ничто не было так ужасно, как звук человеческого плача. Это был вой раненого животного, умирающего на улице. Мужской плач был чуждым звуком, который, услышав однажды, невозможно было забыть, как ни старайся. Особенно если он исходил от одного из этих людей. Овчарок, защищающих овец.

Офицер Деррик Харт лежал на спине в темной комнате для переключек, его пальцы были скрючены вокруг цепочки, которая удерживала пару потертых жетонов на его шее. Он никогда не служил в армии. Эти два кусочка металла не удостоверяли его личность как солдата, а лишь связывали с его лучшим другом. Они были дешевой игрушкой из тонкого металла и предназначались для того, чтобы быть вырванными и потерянными через несколько дней после того, как ребенок получит их на день рождения или во время похода в магазин игрушек на выходные. Цепочка Деррика не раз рвалась в детстве, но он всегда заменял ее другой.

Десятки полицейских лежали вокруг него на мускусном ковре и притворялись спящими, делая вид, что не слышат хныканья в передней части комнаты. С момента вспышки в Майами прошло девять дней, и Деррик задумался о том, сколько часов он спал с тех пор.

Сколько вообще кто-либо спал? Как можно спать, когда фильмы ужасов становятся реальностью?

Сон для полицейских измерялся уже не днями и ночами, а кучками часов здесь или тридцатью минутами там. Это делало эти драгоценные минуты покоя, нарушаемые плачущим человеком, еще более серьезными.

Инфицированные приближались. Тысячи, возможно, миллионы. Национальная армейская гвардия, которой теперь командовали, отказывалась давать оценки, но все знали, что зараженные бегут в Бирмингем. Они шли, чтобы разорвать Деррика на части вместе со всеми, кто остался в городе. Первые из них прибудут сегодня.

Повернув кусок металла над своим лицом, Деррик изучил рисунки двух воинов-викингов на одной из бирок. Их татуированные, мускулистые тела были обременены тяжелым топором, а другой – мечом в рост человека. Эти два воина не были похожи ни на его лучшего друга, ни на него самого, но в детстве Деррик всегда представлял их себе.

Два брата, взявшиеся за руки перед битвой.

Вторая из двух бирок гласила цитату, которую Деррик, наверное, повторял со своим другом тысячу раз. «Вальхалла никого не ждет...» Из всех раз, когда он читал это, сегодня впервые у Деррика свело желудок, когда он вдумался в смысл этих слов. Потому что сегодня он увидит Вальхаллу.

Сегодня я умру.

Он покрутил громоздкий браслет Redband, застегнутый на правом запястье, давая воздуху проникнуть в пропитанную влагой плоть под ним. Большой палец провел по штрих-коду, выгравированному на металлической стороне браслета. Это была навязанная правительством привязь, которую все присутствующие в комнате согласились носить ради своих близких. Что-то, что должно было гарантировать, что они не уклонятся от выполнения своего долга.

Слой засохшего пота и жира, покрывавший его кожу, тянулся при каждом движении. Его русые волосы были единственной вещью, более жирной, чем его немытая плоть. За последнюю неделю Деррик ближе всего подошел к душе: вчера он облился холодной водой из шланга за участком.

По крайней мере, кажется, это было вчера.

На прошлой неделе он перестал замечать запах своего тела и все больше старался не замечать чужого. Деррик был непритязателен. В свои двадцать девять лет он был среднего роста, с простой внешностью и мягкими чертами лица. Мало кто догадался бы, что он – старший член спецназа Бирмингема. Он не обладал накачанной мускулатурой и исхудалой челюстью, как это требовалось в телевизионных шоу от членов элитной команды полицейского департамента. Он никогда не хотел быть супергероем. С самого детства Деррик стремился к нормальной жизни, которой не было в его детстве.

Приглушенные крики, пронзившие тишину комнаты, доносились от молодого человека, который стоял в одиночестве возле доски. Доска за его спиной была испещрена старыми сообщениями от начальства: «Обязанности по ОТ», «Найдена пара наручников в кабинете сержанта», а также наспех нацарапанный комментарий офицера: «Также убедитесь, что все подозреваемые вытряхнули кокаин из карманов, прежде чем их зарегистрировать (Алекс!)».

Длинные серые столы и черные пластиковые стулья были сдвинуты к краю тусклой комнаты и поставлены друг на друга, чтобы освободить пространство.

Оказавшись в тени стопки стульев, которые были выше его, молодой человек закрыл лицо ладонями и заплакал. Деррик чувствовал, как старожилы рядом с ним начинают возмущаться этими слышимыми эмоциями.

Деррик изо всех сил старался не обращать внимания на беспорядочные всхлипывания и сосредоточился на окружающих его офицерах. Большинство из них пытались заснуть, но, как и Деррик, были слишком беспокойны, катаясь по тонкому ковру, который больше походил на бетонную плиту. Оставшись в одних черных рабочих штанах и черных нижних рубашках, офицеры сложили рядом с собой форменные рубашки, бронежилеты и оружейные ремни.

Каждый по-своему справлялся с напряженными моментами простоя. Одни бормотали про себя молитвы – едва слышный шепот, полный мольбы о защите. Другие смотрели на фотографии своих близких под светом экранов мобильных телефонов. Они крутили браслеты Redband на своих запястьях. В какой-то момент каждый полицейский засомневался в том, что подписал контракт на самоубийство, чтобы его близкие смогли покинуть город. Даже Деррик.

Алиса в безопасности со своей семьей... по крайней мере, ты смог дать ей это, Деррик.

Никто не разговаривал друг с другом. Он не мог их винить. Так же, как он не винил молодого патрульного за то, что тот плакал. В какой-то момент сегодня каждый мужчина и каждая женщина в этой комнате позволили бы своим слезам поглотить их в уединении туалетной кабинки или патрульной машины. Это было неизбежно. У всех на уме было только одно, и никто не хотел говорить об этом вслух. Как будто молчание могло удержать смерть на расстоянии.

Деррик достал из нагрудного кармана телефон, надеясь увидеть зеленое уведомление от нее. Пропущенный звонок или текстовое сообщение, хоть какой-то знак того, что Алиса жива. Что она в безопасности.

Что Алиса думает обо мне, подумал Деррик. И тут же возненавидел себя за эту мысль. Но, увы, в верхней части экрана высветился тот же символ, что и всегда. Нет сигнала. Единственная причина, по которой Деррик все еще заряжал эту чертову штуковину, заключалась в том, что в тех редких случаях, когда она подключалась к Wi-Fi, он получал отрывочные данные с новостями, текстовыми сообщениями и голосовой почтой, которые провисели в бездействии несколько часов или дней. Но по мере приближения «последнего рубежа Америки» (термин, придуманный новостными каналами) даже Wi-Fi стал казаться вялым.

Вместо этого Деррик просто смотрел на фотографию на своем главном экране. Это была фотография годичной давности, на которой Алиса на цыпочках целует в щеку мутноглазого Деррика после долгой ночи пьянства. Эта фотография всегда вызывала у него улыбку, и не только из-за самого момента, но и из-за того, что произошло сразу после него. Его лучший друг, Брэндон, сделал снимок, когда они ждали свою попутную машину из центра Бирмингема

к дому Деррика. Не прошло и двух секунд с момента съемки, как Брэндона вырвало бокалом клубничной «Маргариты», который он выпил за час до этого. Блюдо залило ковбойские сапоги Брэндона, которые по настоянию жены он должен был надеть. Карен и Алиса провели остаток ночи, отчитывая его за то, что он обрызгал их, а Деррику пришлось держать себя за кишки, потому что он очень сильно смеялся. Он был уверен, что у него до сих пор хранится видеозапись, на которой Брэндон отключается в кустах у себя на заднем дворе той ночью.

Улыбка Деррика померкла, когда всхлипы патрульного стали громче. В этот момент он был не просто фоновым шумом. В его голосе зазвучали нотки, заставив задремавших офицеров зашевелиться.

— Пожалуйста, боже... Пожалуйста... — голос молодого офицера сорвался, когда он произнес свою молитву.

— Господи... — грузный офицер, сидевший справа от Деррика, ворчал, повернувшись на бок. Честно говоря, Деррику тоже не хотелось слушать слезы этого парня. В глубине души он хотел, чтобы этот парень был мужественным и дал всем столь необходимый покой перед смертью. Это говорила усталость Деррика.

Но как еще должен был поступить этот патрульный? Военные, которые сейчас укрепляли Бирмингем оборонительными сооружениями, пригодными для русского вторжения, сообщали полиции Бирмингема, на каком расстоянии от них находятся стаи зараженных. Три дня. Два дня. Один... Новичка мучили видеозаписи, на которых инфицированные гражданские лица в приступах насилия расправлялись с полицейскими Флориды. Мужчины и женщины, лишённые человечности, рычали и кричали, как животные. Целый штат был потерян за несколько дней. А теперь еще три штата находятся на грани краха.

Теперь Бирмингем был единственной преградой на пути распространения инфекции на остальную часть страны. И время прибытия полчищ зараженных исчислялось уже не днями, а часами.

— Ах, черт возьми, — прошипел Томми. — Заткнись, мать твою!

Деррик не мог видеть Томми в темной комнате, но узнавал его раздражающий голос с джерсийским акцентом в любом месте. Ирония судьбы заключалась в том, что именно он заставлял замолчать другого, ведь Томми всю свою карьеру только и делал, что просил заткнуть свой слишком активный рот.

— О боже... — голос плачущего офицера прервался. — Я не хочу умирать...

— Ты издеваешься надо мной..., — простонал глубокий голос из глубины комнаты.

— Заткнись! — вторил ему другой офицер, к которому присоединились недовольные возгласы.

Деррик почувствовал, как в его горле завязывается комок, а в кишечнике образуется еще один. Он старался не обращать внимания на тяжелую и обязательную тягу, которую он ощущал изнутри, когда его звал долг. Это было не то, что Деррик мог просто отключить, как бы ему этого ни хотелось. Ему хотелось только спать, но он не мог просто лежать и слушать, как ругают этого новичка.

— Извините, я просто не могу, — молодой человек уперся руками в грудь. Он закрыл лицо руками, когда его крики перешли в истерические всхлипывания. Таких рыданий он не испытывал, наверное, лет двадцать, с тех пор как был маленьким мальчиком, зажатый в объятиях матери.

— Слушай, пизда, — снова раздался голос Томми. На этот раз он встал и тяжелыми шагами направился к выходу из комнаты. Для многих Томми был гигантом. Его рост в шесть футов четыре дюйма и вес в сто пятьдесят килограммов только подчеркивал широкие плечи и острую челюсть. — Я тебя сам убью, если ты не заткнешься, — Томми схватил более мелкого офицера за лацкан, отчего металлические булавки на его форме звякнули друг о друга.

Голос Томми был неровным и напряженным, что свидетельствовало о том, что все они находились в состоянии стресса после бессонных дней и ночных буйных беспорядков. Возможно, инфекция еще не добралась до Бирмингема, но беспорядки, грабежи и рост преступности уже больше недели будоражили все крупные города США.

— И вообще, — Томми указал на служебный пистолет молодого человека в кобуре, — почему бы тебе не отнести эту пушку в мужской туалет и не перекусить дуло, как все эти киски-самоубийцы, а?

— Я... я... я просто..., — заикнулся мальчик.

Деррик вскочил на ноги, но его больное тело двигалось не так быстро, как он думал. Его ноги были покрыты мозолями и язвами от двадцатичасового ежедневного пребывания на ногах в течение недели, а грудь и руки были покрыты незаживающими синяками от ночной работы на линии беспорядков.

— Вот, блядь, я помогу тебе нажать на курок, — прошипел Томми и потянулся к оружию мальчика. Но прежде чем Деррик успел вмешаться, за спиной Томми появилась маленькая фигурка. Она была ниже ростом, чем оба мужчины. Когда она встала между Томми и плачущим офицером, она была похожа на ребенка, который пытается удержать отца от драки. Обе ее руки упирались в грудь Томми, не в силах удержать его на расстоянии. Поэтому все были удивлены, когда Томми рухнул на ковер, как подрубленное дерево.

— Я сказала, отвали! — крикнула женщина, указывая пальцем на Томми. Деррик узнал голос и в сером полумраке разглядел знакомое лицо Перри.

Томми корчился на ковре. Его руки сжимали пах, колени были поджаты, как у героя мультфильма.

— Ах ты, сука! — прорычал Томми сквозь стиснутые зубы. Слово разъяренный медведь, он поднялся на ноги и направился к Перри, пока не увидел ее Glock 19, наполовину вытасканный из кобуры на бедре. — О, ты собираешься пристрелить меня сейчас? Сделай это! Сделай мне одолжение, сучка! — Томми широко раскинул руки в знак вызова, приближаясь к ней. Из-за огромного размаха его крыльев она казалась еще меньше.

В комнате повеяло ледяным холодом, когда эти двое уставились друг на друга. В эту секунду в комнате не было ни одного полицейского, а только группа людей, находящихся в состоянии аффекта. Анархия, охватившая всю страну, наконец-то добралась и до полицейского участка. Деррик вышел из транса и, несмотря на усталость, заговорил командным голосом: — Отвали, Томми!

Глаза Томми метнулись к Деррику, и он остановился в метре от Перри. Томми издал мерное рычание в сторону Деррика. Затем, словно осознав, где он находится, окинул взглядом десятки офицеров, уставившихся на него.

С последним ворчанием Томми сдался, отвернувшись от Перри и трясущего патрульного: — Как скажешь... чертова пизда.

Перри не сводила с Томми глаз до тех пор, пока он не опустился на пол, потирая рукой израненную промежность. Ее рука вернула «Глок» в кобуру, и она коротко кивнула Деррику, на что тот ответил. Деррик и не подозревал, что Перри находится в комнате. Он не знал, что она все еще в городе.

Она была одной из немногих, кто все еще носил свое снаряжение и форму, но в отличие от патрульных, чьи рубашки и брюки были черными, Перри была одета в мешковатую лесно-зеленую форму, совпадавшую с формой Деррика. На ней также был тяжелый жилет, похожий на тот, что Деррик положил рядом с собой. На груди у нее были набиты подсумки для магазинов, а в верхней части спины красовалась белая надпись: «SWAT».

— Извините. Мне просто, мне нужно..., — заикался молодой патрульный. На его лице были слезы, сопли и шок от произошедшего.

— Все в порядке... все в порядке... как вас зовут? — спросила офицер Перри.

— Майлз, — ответил он, вытирая нос тыльной стороной ладони.

— Майлз, меня зовут Перри, — сказала она.

Бокастый патрульный, стоявший рядом с Дерриком, с тяжелым вздохом перекатился на бок: — Вытащил бы ты этого труса из...

Не успел Деррик договорить, как Перри огрызнулся: — Заткнись, жирный урод, и иди спать.

Мужчина что-то прорычал про себя, но сделал то, что ему было сказано.

Перри снова повернулась к Майлзу и заключила его в объятия, поглаживая по волосам, как это делала бы его мать: — Все будет хорошо, дыши глубже. Вдох и выдох, давай.

Офицер последовал ее указаниям, тихонько сопя. Через мгновение она отстранилась, но обняла Майлза за плечи, глядя на него.

— Послушай, Майлз. Мне нужно, чтобы ты отсосал, ясно? — сказала она, притягивая его шестифутовую фигуру к себе. — Ты, блядь, офицер полиции. Ты создан для этого дерьма, иначе у тебя не было бы этого значка на груди. Правила там одни и те же. Плохие парни преследуют гражданских, а мы преследуем плохих парней, ясно? Там есть люди, которые не так сильны, как ты, и которые рассчитывают на тебя прямо сейчас. И что еще важнее, все в этой комнате рассчитывают на тебя, и я в том числе. Легко быть полицейским, когда ничего плохого не происходит, но то, что ты делаешь сейчас, имеет самое большое значение, понимаешь?

Майлз кивнул, сделав глубокий вдох. Он вытер глаза тыльной стороной предплечья.

— Хорошо. Теперь выйди на улицу, обмой лицо водой и возвращайся. Отдохни немного, хорошо? — Перри кивнул ему. Майлз быстро вышел из комнаты, низко склонив голову. Деррик успел заметить, как обручальное кольцо Майлза мелькнуло на свету, когда он проходил мимо.

Все рушится. Все скоро развалится.

Деррик снова улегся рядом со своим снаряжением и потер жирный лоб. Если полиция едва держится на ногах, то военные не могут отставать.

А ведь вирус еще даже не в Бирмингеме.

Деррик перевернулся на бок и попытался успокоить свои мысли. Глубоко вздохнув, он позволил своему телу снять напряжение и начал быстро погружаться в сон. Его пальцы коснулись винтовки, лежавшей рядом с ним, когда мир погрузился во тьму, а мышцы впервые за несколько дней разжались. Его расслабленный разум покоился на мыслях об Алисе и гадал, чем занимается его девушка или бывшая девушка.

Не успел он окутаться теплыми объятиями сна, как дверь в прихожую с грохотом распахнулась, заставив комнату ожить. В глаза больно резанул яркий свет заходящего солнца летнего дня. Рев вращающихся лопастей вертолета наполнил комнату.

— Пора. Всем встать! — приказал капитан Элвуд. — Они здесь.